

„Северный огонек“

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

«Есть в эпохах какое-то сходство...»

Д. СЕРГЕЕВ

Утомленное солнце вставало, Но напрасно, все чаще и чаще
Как багровый пылающий флаг, Оставляли враги на полях Металлический импортный ящик,
Где-то там впереди, за Уралом, Не решивший исхода в боях.
Бесновался по селам Колчак. Есть в эпохах какое-то сходство,
Мчали всадников быстрые кони Присмотревшись, увидишь вдруг.
В алых отблесках ранней зари, Как компьютерным превосходством
В звонах сабельных стерли ладони Нас пытаются взять на испуг.
Переломной поры звонари. Мы попыток таких не боимся,
Приносили паденья и взлеты Это было уже не раз.
По заслугам, тревожные дни, И к разрядке всегда стремимся
И плевались в упор пулеметы Мы не ради возвышенных фраз.
Злобно, из-за английской брони.

С годами обрастаем оболочкой, Чтоб не ушло все то, что с нами рядом,
Через которую не видно ясно звезд, В далекие, расплывчатые сны.
И хоть мы в ней сидим довольно прочно, Чтоб не подумать, просыпаясь ночью:
Порою вырваться нам хочется до слез, «Я видел что-то близкое душе,
И все вокруг увидеть новым взглядом, Оставшееся там, за оболочкой,
Вновь ощутить дыхание весны, У прошлого на нижнем этаже».

С. СМЕТАНИН.

Натура человечья — Душа разделена.
Мне нечего скрывать: И я в ладу со всеми,
Меня противоречья В сплетенности тугой,
Готовы разорвать. В одно и то же время,
Эпоха, как монета, Все тот же, и... другой.
Мир — беден и жесток. Смеюсь сквозь слезы,
Расколота планета, плачу,
На Запад и Восток. Жуть, назло врагу —
На две неравных части Живу всю жизнь иначе,
Разломлена страна, Живу всю жизнь иначе,
На счастье, на несчастье Чем только и могу.

В Сургуте осень спешит облака виток.
Пропли каникулы с рывками: Он легче лебеда,
По выходным, ужасно отставшего от стаи,
полон грибами, Летит над нами,
Дрожит автобус, как поменьше исчезая,
осиновый листок, А синева по-верещагински густая
Застыло время, хоть бери Темнее ночи в направленьи на восток.
его руками: Все это значит, что
Все нет дождя, и солнце совсем не за горами
над домами И первый снег с его
Почти по-летнему летучими следами,
упругими лучами И первых заморозков
Едва поддерживает трезвый холодок.

Н. ШАКУРА.

Это не сон — мираж, Лучшего не просил,
Истины не таю... Лишь бы холодный дождь
Снова в крутой вираж Пламя не погасил.
Бросил судьбу свою. Пусть говорят: — Одна
Сердце аж вперехлест, Тянется жизни нить.
Словно оно мотор. Жить — значит, жить
Между горячих звезд только до утра,
Смертный затею спор. Или не стоит жить.

В. ШИРКИН.

Балует погода: не светят этажи.
Дождаться лета, Под его присмотром
Тучи молчаливо виснут подрастает город,
на лету. Ну, а с ним, конечно,
Как опорой, краны наши малыши.
подпирают небо В редкую минуту кран
И задорно с песней мой замирает.
стройку ввысь ведут. Тишина спустилась
Кран — железный аист — только до утра,
гнезда людям строит. Лишь луна повисла
Рядом новым счастьем на крючке, и тает

Иней и усталость с песней на устах.

Новый день зажигая улыбками,
просыпается город, а жители не тревожатся зорями зыбкими,
и встают повостройки. Строители, заложив здесь свои основания, где достаточно нефти и холода,
возвели на Оби очертания молодого тюменского города.
В день рожденья весны — вы бы видели — Обь возносится водами тальми, а сургутские наши строители измеряют свой возраст кварталами.
Возвышается город геологов, возвышается город нефтяников, как свидетель их будничных подвигов и веселых, и светлых их праздников.

В. ШЛЯХОВ.

...Он трудно погружался в тишину, — лишь за полночь его угомонило.

А сны какие виделись ему! Мне — четверти на всю бы жизнь хватило.

Он спал, как спит усталый человек, раскинув руки-улицы, как ветви, сам плоть от плоти своего столетья с простым названием — Двдцатый век.

Лениво ночь по улицам брела, спуская псов с цепи, себе в угоду, она, шутя, дарила им свободу

и, как никто, довольноно была. И леденило от ее утех, когда она дела свои вершила:

то вдруг рыдала, то по-волчьему выла, то испускала истеричный смех...

Но как бы ни ярилась ночи темь, она не в силах бесконечно длиться...

Я видел, как новорожденный день сначала робко серебрил ресницы;

Как город открывал свои глаза в предвосхищеньи будущего солнца... А ночь угрюмо пятилась назад да все бурчала, что еще вернется.

От горизонта, по уши в снегу, невыспавшимся, воспаленным оком вставало солнце, а ему Сургут салютовал многоэтажьем окон.

Фантастическая новелла

Никто не догадывается, что я вундеркинд. Мой отец — известный физик, а мать работает в одной из его лабораторий. Люди они занятые и моему воспитанию не уделяют особого внимания, надеясь, видимо, на наследственность природного такта и интеллигентности.

Когда мои пятилетние сверстники еще ковырялись в песочницах, катались на качелях, играли в пятнашки, меня уже тянуло к книжным полкам отца. К этому возрасту я не только бегло читал на родном языке, но успел изучить основы английского и французского, с помощью словаря переводил любые научные статьи из журналов, которые выписывал отец, хотя еще не понимал их содержания.

В это время мать купила азбуку и урывками стала обучать меня буквам и слогам. Я делал вид, что только познаю азы, а сам, тайком от родителей, заканчивал изучение курса арифметики. Арифметика настолько меня увлекла, что я не останавливаясь, приступил к изучению алгебры, геометрии и тригонометрии. В математике я интуитивно угадывал заманчивую, таинственную даль неизведанного.

Едва успел освоить дифференциальные и интегральные исчисления, как меня празднично нарядили и повели в первый класс. Естественно, чтобы не оскорбить чувства товарищей и не внушить зависть, я скрывал свою ученость и, просяживая долгие часы за партой, углублялся в размышления. Таким образом во мне развивалась способность к анализу, умения производить в уме сложные математические действия, тренировалось и укреплялось память. Особое удовольствие от таких занятий я стал получать, когда присовокупил к чистой математике суть физических явлений. Однако очень скоро все стало замечать мой отрешенный, отсутствующий взгляд, а учительница частенько обрывала ход моих мыслей восклицанием:

— Дубов! Ты опять витаешь в облаках? Скажи: о чем я говорила? — Я, как автомат, повторял слово ее монотонные фразы, а она недоуменно пожимала плечами.

Я считался прилежным учеником, получал хорошие оценки, но старался особенно не высовываться. Школа уже не могла сказать мне что-то новое, но зато была той средой, на почве которой зрела моя любовь к людям. Основное влияние на мое развитие индивидуальное развитие интересов оказывали родители, особенно отец. Он в разговорах с матерью часто восхищался гениальностью великих ученых: Эйнштейном и Бором.

— Необыкновенно! Потрясающе! — говорил он. — Жаль только, что их открытия создали потенциальную угрозу для существования человечества. Злые гении уже пользуются этим. Все может окончиться тем, что наша планета Земля превратится в ледяную глыбу.

Мне становилось жутко, когда я представлял себе мертвую, холодную Землю, несущуюся в пространстве. Тогда я

решил: злые гении хотят ее погубить, а я постараюсь что-нибудь придумать, чтобы защитить ее.

С этого момента моя жизнь приобрела глубокий смысл, а намеченная цель дала направление в изучении научных достижений человечества. В первую очередь я вплотную занялся трудами Ньютона, Эйлера, Эйнштейна, Бора и Вернадского. Меня поразила гениальная простота «Общей теории относительности» Эйнштейна, но все же чего-то в ней не хватало. Релятивистская теория

бумаги цепочку цифр и формул. Я был, как в бреду. «Слабые взаимодействия можно сделать сильными... сделать сильными, — шептал я, словно кто-то мог меня услышать. — Можно нарушить равновесие между веществом и антивеществом, аккумулируя антигравитационные силы». — Это было великое открытие. Я изнемог от колоссального импульса напряжения нервов и мыслей, отбросил испитые листки и выбежал на улицу прогуляться. Я носился, как угорелый, с

О. РИХТЕР

ВУНДЕРКИНД — ДОБРЫЙ ГЕНИЙ

рия гравитации также проливал свет только на отдельные моменты, но не открывала до конца законы небесной механики. В то же время я чувствовал, что пространство насыщено полями, энергией вакуума, что вся материя находится в постоянном, нескончаемом взаимодействии, аннигилируя и восстанавливаясь, излучая еще не известные науке поля, являясь, возможно, источником единого суперполя.

Я был благодарен отцу, нечаянно побудившему меня заняться одной из самых актуальных тем современности, и пришел к выводу, что вполне подготовлен, чтобы приступить к первой научной работе.

Я начал издавать, поставив под сомнение утверждение Галилео Галилея, который в свое время опроверг мнение, что легкие тела падают быстрее тяжелых. На мой взгляд, по этой причине уже несколько столетий наука топчется на одном месте. Детятки «почему?» ждут ответа. Почему, например, масса дейтрона меньше суммы масс протона и нейтрона, из которых он образуется? Почему массы одного килограмма урана и килограмма водорода не равны? Какова роль электрона в веществе? Если предположить, что электрон — античастица, то сразу становятся понятными большие величины внутриядерных сил, сразу возникает предположение, что антигравитация возникает в веществе! А если это так, то...

Ослепительная, как молния, догадка бросила меня в жар. Я схватил карандаш и лихорадочно стал наносить на листы

ребятами по двору, играя в пятнашки и жмурки. Устав с непривычки от развлечений такого рода, разгоряченный я вернулся домой. Отец стоял у письменного стола и держал в руках испитый мною листок.

— Гениально! Потрясающе! — восклицал он, вглядываясь в формулы. Я кашлянул. Отец живо обернулся и спросил:

— Что за гений заходил ко мне и оставил это?

— Не знаю, — ответил я, — может быть, я плохо прихлопнул дверь, и кто-нибудь заходил в мое отсутствие.

— Да, но почему расчеты не закончены? Может быть, он хотел посоветоваться... Но, кто он? Один из моих учеников? — Отец вопросительно смотрел на меня. Я молчал, не желая открываться. Это было бы слишком неожиданным ударом для его чувствительного сердца.

Отец сел за письменный стол и, перво перебрав листок, о чем-то думал. Мне не терпелось в ожидании, когда он успокоится и оставит меня одного. Я хотел поскорее закончить расчеты. Моё открытие станет открытием века: оно предотвратит ядерную войну. Никто, никакими силами не сможет поднять в воздух ракеты и самолеты. Малышки будут беситься от бессилия, компьютеры выйдут из строя. Я окружу родную планету полем, против которого уже не может найтись противодействия. Злые гении потерпят крах. Если отец прав, и я гений, то я буду гением добрым.

ХРОНИКА

Состоялось очередное заседание клуба «Северный огонек». Собрание обсудило ход подготовки к этому важному событию. Намечен план работы клуба на ближайшие месяцы. В нем предполагается обсуждение творчества новых молодых авторов, встречи с труженниками предприятий, участие в творческих конкурсах, будет обращено внимание и на творческую подготовку начинающих прозаиков и поэтов.

Обсуждено творчество ряда авторов: С. Сметанина, С. Воскресенского, О. Рихтера.

Молодые прозаики и поэты Сургута готовятся к областному семинару, кото-

рый должен состояться в начале декабря в Тюмени. Члены клуба обсудили ход подготовки к этому важному событию.

Очередное заседание клуба состоится 12 ноября.